

ГЕОРГИЙ
ГРИГОРЬЯНЦ

ГРОМ НАД АРАРАТОМ

МОСКВА • 2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г83

Григорьянц, Г. Р.

Г83 Гром над Араратом / Г. Р. Григорьянц. — М. : «РИПОЛ Восхождение», 2016. — 570 с.

ISBN 978-5-519-49827-2

71 г. до н. э. Армения. Кризисный эпизод в истории страны. Царь Тигран II Великий, захватив в кровавых сражениях огромные территории Малой Азии и Месопотамии, вдруг останавливает войны и решается на грандиозный эксперимент — превратить патриархальную Армению в цивилизованную державу, взяв за образец эллинов. Он понимает, что борьба предстоит нешуточная, на его стороне боги, герои и магия, а против него — Рим со своей военной машиной, злодеи и завистники. В круговорот необычных событий вовлечены великие исторические личности того времени: Митридат VI Евпатор, полководцы Лукулл и Помпей, знаменитые римляне Цицерон, Цезарь, Красс, правители Иудеи, Сирии, Парфии, Каппадокии. Загадочные явления, дворцовые интриги, борьба за власть, любовь, ненависть, хитрость и магия — все в этой книге, достоверно передающей историческую ситуацию, сплелось в невероятный клубок событий, страстей и фантазий. Загадки древности, будоражащие воображение, будут разгаданы.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-519-49827-2

© Григорьянц, Г. Р., 2016

Глава 1

Быстро темнело, по земле стелился рваными клочьями туман, погоня отстала, и в какой-то момент конница Митридата, преследуемая римлянами, рассыпалась по лесу. Царь остался без охраны, рядом только Гипсикратия, его жена.

— Мой царь, похоже мы заблудились, — забеспокоилась женщина.

— Ты — луч света, разве я могу с тобой заблудиться, хотя ты права. Мы в лесу, и совершенно непонятно, куда идти дальше. Вон большой камень, давай отдохнем и подождем остальных.

Привязали коней. Царь сел на камень, а его спутница, как страж, держа лук в руках, охраняла его.

— Куда же нас занесло? — Царь рассеянно оглядывался по сторонам.

— Нам нужно двигаться дальше, нас могут догнать, — волновалась женщина.

Осознавая безнадежность своего положения и потеряв волю к сопротивлению, царь, которого люто ненавидел Рим, чувствовал себя беспомощным и внутренне опустошенным. Он, который мог бы найти тысячу способов исправить ситуацию, теперь, потеряв вкус к жизни, просто сидел на камне и рассуждал:

— Ты знаешь, меня, смертного, сравнивают с Гераклом, как и его, почитают во всей Малой Азии, а мой лозунг «Освобождение греков!» в высшей степени востребован.

Гипсикратия слушала, но ни на минуту не забывала о грозящей им опасности, а Митридат смотрел на свою жену и удивлялся: она совсем не чувствовала усталость.

— Я бросил вызов Риму, чтобы заставить его считаться с греческой цивилизацией: мы хотим жить, как нам нравится, — продолжал царь. — Для решительной борьбы я мобилизовал все ресурсы своей державы и... проиграл. Мне бы готовиться к смерти, а я даже сейчас думаю о последней схватке с римлянами.

Гипсикратия была шестой женой Митридата, женщина-воительница из скифского племени — таких греки прозвали амазонками. Любила она своего владыку беззаветно. Он называл ее неукротимой. Однажды увидев, он поразился ее уверенности и спокойствию. Благоухающая, дочь вождя вошла в его спальню, и безграничная любовь красивой женщины потрясла великого понтийца. С тех пор они не расставались.

— Холодно, разожги костер! — сказал он.

— Великий царь, нас обнаружат, нельзя зажигать огонь.

— Ну что ты, здесь в лесу, и при таком тумане мы в безопасности. Развели костер. Царь снова задумался о превратностях судьбы.

Внезапно раздался топот копыт, стрела ударила о камень и отлетела в сторону. Гипсикратия приготовилась к стрельбе. Прямо на них несли римский всадник с копьем наперевес, а ему навстречу уже летела стрела. Всадник свалился с коня как мешок. Слева выскочил еще один наездник, закрытый щитом. Амазонка, прыгнув на камень и оттолкнувшись от него, на лету зацепила его щит своим топором и после короткого рывка нанесла противнику быстрый удар тычком в голову. Воин был повержен. Из леса выбежали два пехотинца. Молниеносная атака и здесь принесла результат: первый солдат с топором в голове упал на землю, второй занес меч, но женщина, схватив с земли копье, отбила его, а кинжалом пробила защиту солдата. Воин повалился на землю, так и не поняв, что случилось.

Митридат все это время стоял с обнаженным мечом у камня и, как замороженный, с восхищением наблюдал за кровопролитным боем.

— Ты не просто спасла мне жизнь, ты вернула меня к жизни! Я вдохновлен, я осознал, что за каждым спуском следует подъем! —

Увлажненными глазами он очарованно смотрел на свою жену, которая часто дышала и еще не отошла от перипетий схватки, и говорил: — Извини, извини за костер, я был слишком беспечным, а беспечный и мертвый — одно и то же.

— Мой властелин, ты ни в чем не виноват, а твоя похвала излишня, я люблю тебя и буду любить вечно.

Еще час назад подавленный Митридат сидел на своем походном троне в шатре, а вокруг, в лагере понтийцев, царили хаос и повальное бегство. Казалось, что все потеряно и смерть — лучший выход из положения. В год, который римское летоисчисление называет годом консульства Публия Суры и Гнея Ореста, или в 71 г. до н.э., Митридат VI Евпатор, царь Понта, заклятый враг Римской республики, который на протяжении тридцати лет тиранил Рим и его союзников на огромном полуострове Малая Азия, наконец проиграл войну. Проиграл, как ему казалось, окончательно. Его предали. В битве при Кабире римляне разбили его сорокатысячную армию и теперь готовились пленить самого царя. Ни талант полководца, ни дар предвидения на этот раз не помогли ему избежать окончательного поражения.

Поимкой Митридата лично занялся победитель сражения главнокомандующий и проконсул Римской республики Луций Лициний Лукулл. Напряженно вглядываясь вдаль сквозь сгущавшийся туман, он пытался определить возможные пути бегства царя. Из свиты сопровождавших его всадников к нему приблизился легат Мурена, его лучший генерал:

— Лициний, сражение выиграно, противник бежит, легионы преследуют воинов царя Митридата, осталось завершить окружение и захватить его лагерь.

— Нельзя считать выполненным дело, если не можешь рассказать всем и каждому, что добился потрясающих успехов! Мурена, что докладывают разведка? Где царь?

— Лазутчики докладывают, что он еще в своем лагере.

— Пленить царя! Я знаю, эта лиса так просто не сдастся, он будет пытаться вырваться из кольца окружения. Мурена, слушай приказ:

отрезать ему все возможные пути прорыва. Тот, кто схватит царя, получит две тысячи денариев! Митридат мне нужен живым!

Лукулл, один из богатейших людей Рима, пятидесятилетний художавый и высокопарный римский полководец, получивший почетный титул полководца-победителя «император», подкупил генералов Митридата и добился того, чего не удалось его предшественнику, самому жестокому правителю Римской республики Сулле. Он, Лукулл, одолел великого царя Востока, главного врага Рима, конечно же только благодаря своему полководческому таланту. Солдаты Митридата начали разбегаться уже при первом боевом кличе римлян, и теперь его, Лициния Лукулла, ждет небывалый триумф в Риме, куда он привезет гарем Митридата и его родню в качестве рабов, прихватив с собой богатую добычу, а во главе процессии как главный трофей кампании сам понтийский царь... Но где сейчас Митридат? Без этого восточного деспота триумф будет неполный. Понтийский монарх где-то прячется, возможно, он еще в своем лагере, но ему не уйти! Римские воины контролируют местность, скоро окружение будет полным.

— Усилить дозоры, быть готовыми к внезапному прорыву! — Лукулл раздавал распоряжения своим легатам. — Царь должен быть схвачен, и только живым.

«Кроме того, — подумал Лукулл, — он должен поведать мне об одной тайне, мысль о которой уже много лет не дает мне покоя. Я избран владеть великим знанием».

Стрела, со свистом рассекая воздух, пролетела мимо уха и угодила в одного из военачальников свиты. Конь Лукулла взвился на дыбы, но всадник сдержал скакуна, крепко натянув узду.

— Кто? — крикнул он.

— Убит префект Титус! — закричал Мурена.

— Даже раздавленная змея может нанести ядовитый укус! — холодно сказал Лукулл. — Уходим!

В этот момент, за час до поединка Гипсикратии с римскими воинами в лесу, Митридат все еще находился в своем шатре, в котором господствовала атмосфера уныния и безысходности.

— Война проиграна! — шептал царь, до крайней степени измощенный. Наконец, придя в себя, он беспомощно посмотрел на своего стратега и советника Каллистрата и пробормотал: — Судьба безжалостна! Мои войска дрогнули, я потерял пехоту и конницу, мой флот уничтожен. Меня предали приближенные: за моей спиной они вели тайные переговоры с Лукуллом, а я, старый дурак, ничего не замечал.

Царедворец Каллистрат, разделяя его уныние, произнес:

— О великий царь, твои солдаты пали духом, их одолел страх. Начался бунт! Убиты многие твои полководцы и сановники.

Митридат VI Евпатор, тщеславный и гордый человек, гений власти и великий злодей, всегда отличался энергичностью и предприимчивостью, но вместе с тем соединял в себе все пороки восточных деспотов — необузданную похотливость, дикое суеверие, коварство, жестокость и постоянное недоверие, заставлявшее его везде видеть убийство и измену. Теперь надломленный он в совершенном бессилии ждал приближения смерти.

— Мы в окружении, и это чудо, что меня еще не схватили, — в глубокой апатии и тоске продолжал говорить царь. — Наверное, я был самонадеян и не думал о предательстве. Я атаковал пехоту противника кавалерией, не зная, что у меня в тылу, за горой, затаилась римская конница. Глупость одной минуты разрушает долгий труд мудрости. Поражение было предreshено, противник знал мои замыслы!

В шатер вбежал начальник царской охраны Диафант и, вызвав окончательное замешательство окружавших царя сановников, закричал:

— Римляне движутся к нашему лагерю!

— Государь, ты можешь сдаться на милость победителя, — предложил Каллистрат, беспокоясь больше о своей судьбе.

— Нет, лучше умереть! — произнес Митридат. Ощущая в полной мере свою беспомощность, он продолжал: — Мне шестьдесят три года, я стар, и теперь... теперь война проиграна. Незачем больше жить.

Единственная женщина в шатре Гипсикратия, жена царя, страстно любившая его и неотлучно находящаяся рядом, воскликнула:

— Великий царь! Ты сумеешь собрать новое войско и поставить римлян на колени!

— Не в этот раз. — На глазах Митридата навернулись слезы. В минуту упадка духа ему привиделись его близкие. — Мои бывшие жены! Я знаю, что с ними сделают. Даже если толпа не растерзает их, они окажутся в Риме в качестве трофея, и их продадут в рабство. О моя любимая Береника! Она принесла мне столько счастья... О Монима! Как она меня изводила! — На его лице появилась слабая улыбка. — Властная, ненасытная... Мои жены, наложницы, сестры... — Выражение лица вдруг стало жестким. — Никогда эти драгоценные камни моей диадемы не станут добычей римлян, я не допущу их позора! Позовите Вакхида!

Гипсикратия пыталась вселить в него надежду:

— Ты великий царь, ты всегда находил выход из любого положения!

Но царь ее не слышал и продолжал тихо говорить:

— Свою жизнь я посвятил войне с Римом, война — моя страсть. Много городов и царств я покорил, у меня несметные богатства, самый большой гарем на всем Востоке, но зачем мне все это? Я столько раз терпел поражение от Рима, что растратил все свои душевные силы на бесконечное возрождение из пепла.

— Не все потеряно, бежим, я спасу тебя! — Схватив его за руку, Гипсикратия опустилась на колени, а он говорил:

— Удача отвернулась от меня окончательно. Нет, я не великий. Единственный, кого сейчас можно назвать великим, — это царь Армении Тигран II. Он мудрый, рассудительный, честолюбивый, его царство огромно, от моря и до моря, он мог бы стать владыкой мира, если бы захватил Рим, но он не хочет этой войны, его религия не позволяет ему. Мы все выбираем удобных для себя богов, а он верит в одного, у него на уме не борьба, не владычество, а лишь процветание Армении.

В шатер вошел внук Вакхид:

— Повелитель, ты звал меня?

— О мой друг, Вакхид! Ты всегда был мне как брат. Враг топчет землю Понтийского царства, грабит мои города, наши крепости долго не устоят, смысл жизни, который я видел в борьбе и возвышении над человечеством, потерян. Вакхид, с тобой мы прошли половину мира. Ты же предан мне? — Схватив внука за руку, царь глядел ему

в глаза, пытаюсь разглядеть ответ. — Ты всегда исполнял в точности все мои приказы. Ты поедешь в Пантикапей и Евпаторию и убьешь всех моих жен, наложниц и сестер, чтобы они не попали в плен к римлянам. Для меня будет величайшим позором, если они окажутся в руках неприятеля. Предоставь им только выбор, как умереть. Мне незачем жить... Яд не поможет... Вот мой последний тебе приказ — пронзи меня мечом!

— Нет, мой повелитель, я не могу!

— Спасения мне нет. Делай, что я сказал! — Митридат закрыл глаза.

Вакхид, помедлив, обнажил свой короткий меч, отвел руку назад и сделал выпад правой ногой, направив острие меча вперед для удара в грудь царя.

Кинжал Гипсикратии неожиданно ударил по клинку Вакхида, сбив низ острия меча и не дав нанести смертельный удар. Вzbешенный Вакхид отступил назад и бросился в атаку на женщину, нанося удар сверху. Она приняла удар на середину кинжала, клинок противника стал скользить по ее клинку, и в этот момент, уклоняясь от удара меча, она резко развернулась всем телом и застыла на месте с кинжалом перед самым лицом Вакхида. Тот от неожиданности замер.

— Пока я жива, никому не позволю причинить тебе вред, великий царь!

Митридат открыл глаза и крикнул:

— Ну, ладно, опустите оружие!

Гипсикратия опустила кинжал и ушла в сторону. Вакхид же, потрясенный и уязвленный, продолжал смотреть вперед ничего не видящим взглядом.

— Вакхид, убери меч! — Царь повысил голос. — И слушай меня: возьми десять всадников и направляйся в Пантикапей. Выполняй приказ!

Вакхид ушел и вскоре с отрядом всадников поскакал выполнять безрассудный приказ. Митридат, всегда подверженный резким перепадам настроения, медленно вышел из оцепенения, перевел взгляд на Гипсикратию и устало сказал:

— Ты моя Ариадна. Подобно ей, ты, возможно, выведешь меня из лабиринта. Что есть моя жизнь или смерть? Это безумный танец пре-

одоления человеческой природы, но в этом танце я испытываю наслаждение.

Его настроение улучшилось, опять появилось желание сделать что-то великое, и царь, повернувшись к начальнику охраны, спросил:

— Осел готов?

— Да, владыка.

— Отступаем в Коману.

С отрядом всадников из личной охраны численностью до восьмисот человек царь Митридат и Гипсикратия верхом на конях поскакали из военного лагеря понтийцев на восток, надеясь на удачу, туман и приближающуюся ночь.

Римляне взяли лагерь Митридата без боя. Большой отряд римской конницы пустился вдогонку за царем. В тумане преследователи разделились, и одна из их групп практически настигла беглецов, но солдаты наткнулись на осла, навьюченного мешками с золотом. Увидев высыпавшиеся из мешков монеты, римские солдаты бросились делить золото, дав царю время уйти.

Но уйти удалось недалеко. Лукулл предвидел, что Митридат попытается прорваться из окружения. На основных путях отступления уже были устроены засады.

В шатре Митридата хозяйничали римляне.

— Проконсул, мы захватили казну и гарем Митридата с десятью наложницами, — докладывал обстановку легат Мурена, когда главнокомандующий уселся на походный трон понтийского монарха. — Царя нигде нет, отряд Сорнатия преследует его.

Грозно посмотрев на военачальника, Лукулл отрезал:

— Поймать царя! Доставить его ко мне живым!

Бросив взгляд на убранство роскошного шатра, повертев в руках золотую статуэтку грифона, терзающего волчицу, он подозвал к себе военного летописца:

— Пиши: «Преследование продолжалось долго и затянулось на всю ночь, пока римляне не устали не только рубить, но даже брать пленных и собирать добычу».

Лукулл, человек высокообразованный, надменный и упрямый, снова взглянул на статуэтку грифона, мифического существа с голо-